

КСАНФ

Волшебный коридор

Пирс Энтони

Ксанф

Пирс Энтони
Волшебный коридор

«Феникс»

1981

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Coe)-445.1

Энтони П.

Волшебный коридор / П. Энтони — «Феникс», 1981 — (Ксанф)

ISBN 978-5-222-42030-0

Магия Ксанфа была бесполезна в Обыкновении... пока Дор решил не хитрить и быть честным! Дору не просто было расти, зная, что он должен стать следующим королем волшебной страны Ксанф. Он вовсе не хотел принимать участие в управлении королевством. Но добрый король Трент отправляется в лишенную волшебства Обыкновению, где обитают такие странные звери, как лошади и медведи, чтобы установить с ней торговые связи, и Дор вынужден на неделю занять его место. Проходит неделя. От Трента ни слуху ни духу. Проходит три. Король Трент все не возвращается. Определенно, случилось нечто ужасное: наверняка его держат взаперти в вонючем подземелье, откуда он не может выбраться. Бремя правления ложится на плечи Дора... и Айрин, которой очень уж не терпится стать его королевой! Единственная надежда – отправиться в Обыкновению и освободить короля Трента. Но как сделать это без магии? Невзирая на это, он храбро отправляется в путь к южной оконечности Ксанфа вместе с Айрин, големом, кентавром и юным огром. Но вход в Обыкновению, разумеется, лежит на севере.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Coe)-445.1

ISBN 978-5-222-42030-0

© Энтони П., 1981

© Феникс, 1981

Содержание

Глава 1. Орфографическая пчела	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Энтони Пирс

Волшебный коридор

Глава 1. Орфографическая пчела

Дор корпел над сочинением: королевский указ гласил, что все будущие монархи Ксанфа должны быть грамотными. Задание оказалось ужасно трудным. Читать Дор умел, но его воображение, столкнувшись с таким серьезным вызовом, тут же отказало, а правила правописания он так толком и не освоил.

– Земля Ксанфа, – пробормотал он с глубоким отвращением.

– Что? – спросил стол.

– Заглавие моего дурацкого сочинения, – уныло пояснил Дор. – Моя наставница Чери, порази ее анонимное проклятие, задала написать сочинение в сотню слов. И чтобы в нем было все-все о Ксанфе. По-моему, это невозможно. Писать просто не о чем. Наверняка начну повторяться уже слов через двадцать пять. Ну как можно растянуть его на сто слов? Я даже не уверен, что в языке их столько наберется.

– А кто хочет узнать все про Ксанф? – снова спросил стол. – Я уже обреченел от скуки.

– Да, я знаю, что ты бревно. Наверное, Чери – прицепись к ее хвосту сотня ругательных репейников! – очень хочется это узнать.

– Чери, должно быть, очень тупая?

Дор задумался:

– Нет, она чертовски умная. Все кентавры такие. Вот почему в Ксанфе они и историки, и поэты, и учителя. Чтоб их шибко умным ногам охрометь!

– Почему же тогда кентавры не правят Ксанфом?

– Ну, потому, что среди них мало волшебников, а править Ксанфом может только волшебник. Мозги к этому не имеют никакого отношения – и сочинения тоже. – Дор уставился на чистый лист и нахмурился.

– Любой страной может править только волшебник, – важно заметил стол. – Ну а ты что же? Ты ведь тоже волшебник, верно? Почему же ты не король?

– Ну, и я когда-нибудь стану королем, – ответил Дор, прекрасно понимая, что разговаривает со столом лишь для того, чтобы оттянуть неизбежную борьбу с сочинением. – Когда король Трент, э-э... отойдет от дел. Вот почему, говорит Трент, мне и следует быть образованным.

И он молча призвал все мыслимые и немыслимые проклятия на кентаврицу Чери – но не на короля Трента.

Дор снова тупо уставился на лист бумаги с уже выведенным печатными буквами заглавием «Зим-ля Ксанва». Что-то в этом заглавии Дора смутило, хотя он не сомневался, что название его страны начинается с буквы «К».

Кто-то хихикнул. Подняв глаза, Дор заметил, что портрет королевы Ирис ехидно усмехается. Когда Дору приходилось делать уроки в замке, он всякий раз сталкивался с одним и тем же: королева подглядывала за ним. Подглядывание она считала своим святым долгом. Еще немного, и Дор показал бы королеве язык.

Догадавшись, что ее разоблачили, королева заговорила – рот на портрете задвигался. Волшебным талантом королевы Ирис были иллюзии, и при желании она могла создать иллюзию звука.

– Может, ты и волшебник, но ученик из тебя никудышный. В этом деле ты явно ни одного гоблина не съел.

– Гоблины такие противные, что их даже драконы не едят, – огрызнулся Дор, несколько озадаченный замечанием королевы. Какое отношение имеют гоблины к правописанию? Дор недолюбливал королеву, как и она его, но их удерживал от перебранок приказ короля быть взаимно вежливыми – в разумных пределах. – У дамы, наделенной столь выдающимися талантами, наверняка найдется немало дел поинтереснее, чем подглядывать, как я пишу какое-то дурацкое сочинение, – проворчал Дор. Затем неохотно добавил: – Государыня.

– Конечно найдется, – согласился портрет, но фон на холсте потемнел и покрылся мрачными тучами. Королева заметила, разумеется, паузу перед титулом, и ей почудилось в этом нечто оскорбительное. Зигзаг молнии пронзил тучу. Королева будто пообещала расквитаться с дерзким мальчишкой. – Но ты никогда не сделаешь уроки, если за тобой не приглядывать.

В этом королева совершенно права. Дор скорчил столу гримасу и увидел, что по листу с сочинением, безнадежно его испортив, разлилась лужица чернил. Гневно вскрикнув, он схватил лист... Чернила стекли на стол, слились в лужицу, выпустили ножки и засеменили прочь. Похожая на жука-переростка лужица добралась до края стола, перетекла вниз и мгновенно превратилась в облачко пара. Чернила оказались иллюзией. Королева все-таки ему отплатила. Что-то, а вредить она умела и делала это с истинным умом и изобретательностью. Дор не мог ответить тем же и поэтому злился еще больше.

– Не понимаю, почему править Ксанфом может только мужчина, – произнес портрет.

Это была любимая мозоль королевы. Ее талант по силе не уступал таланту любого волшебника, но, согласно законам Ксанфа, особа женского пола королем стать не могла.

– Я живу в Ксанфе, – медленно написал Дор. Он считал вслух слова, которые выводила его рука. На королеву он подчеркнуто не обращал внимания и всей душой надеялся, что это ее оскорбит. – От Обыкновении, – продолжал он, – Ксанф отличается тем, что в Ксанфе есть волшебники, а в Обыкновении волшебников нет.

Просто поразительно, какое его охватило вдохновение, едва дело коснулось отрицания. У него уже есть почти двадцать слов!

Дор тайком скосил глаза на портрет. Портрет снова онемел и стал просто картиной. Прекрасно – значит, королева перестала шпионить. Раз не удалось напугать Дора ползучей видимостью, то и интерес к нему у нее пропал.

Но и его вдохновение иссякло. А предстояло написать еще целую сотню слов – в шесть раз больше, чем уже есть. А может, и в пять – в высшей математике Дор тоже не блистал. Если прибавить заглавие, получится еще два слова. Значительная часть работы позади, но все равно только часть. Что за мучение!

Тут в комнату вбежала Айрин – дочь короля Трента и королевы Ирис, дворцовая хулиганка, иногда надоедливая, а иногда и не очень. Дор не мог не признать – а ему так не хотелось этого, – что Айрин поразительно красива и с каждым днем делается все краше. С красивой Айрин Дор не мог драться и ссориться так же беззаботно, как раньше. Он смущался.

– Привет, Дор, – сказала Айрин, подпрыгивая будто для разминки. – Что подельываешь? Засмотревшись на ее прыжки, Дор позабыл о заготовленном дерзком ответе.

– Давай, валяй, – буркнул он. – Сама знаешь, твоей мамочке надоело за мной подглядывать, вот она и подслала тебя.

Айрин не стала спорить:

– Что ж, кому-то ведь надо за тобой приглядывать, дуралей. Я сама с удовольствием поиграла бы сейчас во дворе с Зилич.

Зилич была молодой морской коровой, которую заколдовали и подарили Айрин на ее пятнадцатый день рождения. Айрин поселила корову во рву и с помощью своего волшебного таланта вырастила загородку из гвоздик, и теперь Зилич могла спокойно жевать, не опасаясь ровных чудищ. Дор считал, что совсем неинтересно играть с этим огромным, вечно жующим

шарообразным существом, но, поскольку Айрин иногда была просто невыносима – как и ее маменька! – любая забава, способная ее отвлечь, уже хороша.

– Ну так иди поиграй с коровкой, – пренебрежительно посоветовал Дор. – Я никому не скажу.

– Нет, принцесса должна выполнять свои обязанности.

Если Айрин заявляла, что должна что-то сделать, – значит, ей просто очень хотелось это сделать. Она схватила листок с сочинением.

– Эй, отдай! – крикнул Дор и протянул руку.

– Слышала, нахалка? – подхватил листок. – Отдай меня!

Но Айрин только еще больше заупрямилась. Она попятилась, сжимая листок и на ходу читая. Секунда – и она разразилась хохотом:

– Ну и грамотей! Надо постараться наделать столько ошибок в слове «Обыкновения»! В одном слове!

Дор, красный как рак, бросился к ней, но она отскочила и спрятала листок за спину. Именно так развлекалась принцесса Айрин – дразнила мальчишку и заставляла совершать разные глупые поступки. Он попытался выхватить листок у нее из-за спины и неожиданно... обнял.

Айрин всегда была девочкой симпатичной и не по годам развитой, но в последние годы природа ревностно занялась ее внешностью. Теперь, оказавшись совсем рядом, Дор увидел, что получилось. Айрин превратилась в зеленоглазую, зеленоволосую от природы – она никогда не красила волосы – полногрудую красавицу. К тому же Айрин знала, что красива, и всюю использовала это оружие. Сегодня она надела подчеркивающую фигуру зеленую юбку, зеленую блузку и зеленые туфельки, далеко не уродующие ее стройные ножки. Короче говоря, она хорошо подготовилась к встрече и не собиралась дать Дору спокойно дописать сочинение.

Айрин глубоко вздохнула и теснее прижалась к нему.

– Я закричу, – прошептала она на ухо Дору.

Айрин дразнила его! Но Дор знал, как с ней справиться.

– А я начну тебя щекотать, – прошептал он в ответ.

– Это нечестно!

Айрин поняла: если она начнет хихикать от щекотки, то не сможет правдоподобно визжать, а хихикать она начнет непременно, потому что боится щекотки и вдобавок откуда-то взяла, что девицам это к лицу. Чем больше девица боится щекотки, тем сильнее это влечет к ней кавалеров.

Быстрым движением Айрин попыталась спрятать листок на груди, где – она не сомневалась – Дор не посмеет шарить. Но он вовремя схватил ее за руку. Его пальцы коснулись листка, потому что он был сильнее, а она считала, что девицам не к лицу слишком сильно сопротивляться. Не выйти из образа для нее было столь же важно, как уколоть насмешкой. Она отпустила листок, но тут же попробовала еще одну хитрость.

– А я стану тебя целовать, – пригрозила она, обнимая Дора.

Но его и это не смутило. Настроение ее было переменчиво, как погода ранней весной, и поцелуи могли без всякого предупреждения смениться укусами. Айрин не следовало доверять; хотя, если говорить честно, ссоры с обниманием нравились ему все больше. Айрин знала, что делает.

– А твоя мама подсматривает.

Айрин мгновенно разжала руки. Постоянно готовая насмеяться, в присутствии матери она всегда вела себя прямо ангельски. Дор не знал, почему так происходит, но подозревал, что желание королевы видеть дочь в будущем тоже королевой имеет к этому какое-то отношение. На самом деле, Айрин не желала слушаться матери – она вообще никого не желала слушаться – и поэтому одновременно кокетничала с Дором и насмехалась над ним. А королева Ирис недо-

любовила Дора, потому что он был настоящим волшебником, а ее дочь – нет; но Дор обязательно станет королем, а ее Айрин – его супругой, то есть королевой. Ирис не сомневалась, что Дор выберет именно Айрин. А что думала сама Айрин? Она желала и королевой стать, и мамочке насолить, поэтому делала вид, что Дор ее преследует, а она сопротивляется. И чем дольше длилась игра, тем она становилась сложнее.

Дор и сам сомневался в своих чувствах. Четыре года назад, когда ему было двенадцать, он пережил необыкновенное приключение. В теле рослого мускулистого обыкновенна, прекрасно умевшего балансировать на канате, он побывал в прошлом Ксанфа. Тогда же он кое-что узнал об отношениях мужчин и женщин и пережил кое-какие взрослые чувства. Глупенькая Айрин и не подозревала, что, кокетничая с ним, играет с огнем. Поэтому он старался держаться от нее подальше, хотя порой это было нелегко. Иногда ему снились странные тревожные сны, в которых он ее кое на что провоцировал, и небезуспешно, но рука невидимого цензора тут же вырезала восхитительную сцену.

– Лгун! – гневно воскликнула Айрин, глянув на немой и неподвижный портрет. – Вовсе мама не подсматривает!

– Зато я отделался от тебя, верно? – хитро заметил Дор. – До Милли тебе все равно как до неба. Зря стараешься. Слабо тебе.

Этими словами Дор страшно задел Айрин. Милли-дух – на самом деле она перестала быть духом, то есть призраком, еще до рождения Дора, но прозвище осталось за ней – обладала волшебным талантом возбуждать любовь в сердцах мужчин. Талантом этим она воспользовалась, чтобы стать женой одного из немногих волшебников Ксанфа, угрюмого Повелителя Зомби – в свое время Дор помог ему из зомби превратиться в человека. Теперь у Милли и Повелителя Зомби росли близнецы. Упомянув имя Милли, Дор тем самым намекнул, что в саму Айрин никто никогда не влюбится, что ей не хватает женственности, а именно этого – влюблять в себя и быть неотразимой – больше всего хотела Айрин. Но вообще-то Дор перестарался, потому что Айрин все-таки очень привлекательна. Ну разве чуть-чуть не дотягивает до идеала. И если он когда-нибудь позабудет, что Айрин просто дворцовая хулиганка, то попадет в беду, потому что никакому цензору уже не по силам будет вырезать сон, ставший явью. Айрин была очень мила – когда хотела, когда старалась. А может, когда переставала стараться – Дор точно не знал.

– Ладно, дописывай лучше свое дурацкое сочинение, а то кентаврица Чери растопчет тебя копытом, – сказала Айрин, примеряя новое настроение. – Хочешь, помогу тебе с правописанием?

Дор решил не доверять ей и в этом:

– Уж лучше помучаюсь сам.

– И проиграешь: Чери не потерпит твоего невежества.

– Знаю, – угрюмо согласился он.

Кентаврица и в самом деле была суровой учительницей, поэтому, разумеется, ей и поручили это дело. Если бы учителем был ее муж, кентавр Честер, Дор многое узнал бы о стрельбе из лука, о фехтовании и кулачном бое, но искусство правописания стало бы еще более недосягаемым. Король Трент прекрасно знал, кто должен учить Дора.

– Я знаю! – воскликнула Айрин. – Знаешь, кто тебе нужен? Тебе нужна орфографическая пчела!

– Кто?

– Сейчас мы ее раздобудем, – потерла руки Айрин.

Раз уж ей вздумалось сыграть роль помощницы, оставалось только покориться, тем более что Дор действительно нуждался в помощи.

– Орфографических пчел привлекают буквенные кусты, – пояснила Айрин. – Пойду поищу в своей коллекции.

И она выбежала из комнаты, оставив за собой облачко приятного аромата – кажется, Айрин начала пользоваться духами.

Дор сосредоточился и выдавил из себя еще одну фразу: «В Ксанфе каждый владеет только одним волшебным талантом; двух одинаковых талантов не бывает». Так, еще тринадцать слов. Ну и пытка!

– А вот и неверно, – заявил стол. – Я, к примеру, умею говорить, но среди вещей говорящих предостаточно.

– Ты предмет, а не существо, – не церемонясь, пояснил Дор. – Твой талант – на самом деле мой талант. Это я даю возможность разным столам и стульям упражняться в красноречии.

– А-а-а... – угрюмо протянул стол.

Вскоре вернулась Айрин. Она принесла какое-то семечко и горшок с землей.

– Вот, смотри, – сказала она, втиснула в землю семечко – оно имело форму буквы «Б» – и скомандовала: – Расти!

Семечко тут же дало росток, и тот начал увеличиваться прямо на глазах. Нет, не зря Айрин дразнили зеленкой. Что-что, а выращивать зеленые насаждения она умела. Сосредоточившись, она могла за несколько минут вырастить гигантское желудевое дерево, могла заставить крохотный кустик увеличиться до размеров эвкалипта. Но превращать одни предметы в другие, как ее отец, или оживлять мертвых, как Повелитель Зомби, или разговаривать со стенами, как Дор, она, увы, не умела. Поэтому ее не решались именовать могущественной волшебницей. Айрин это очень огорчало. Но с растениями она управлялась как никто другой.

Буквенный куст тем временем начал ветвиться и зацвел. Каждый цветок имел форму буквы алфавита. Там были все буквы, но вперемешку. Цветы издавали едва уловимый странный аромат – смесь запаха чернил и старинных томов.

Вскоре, как и следовало ожидать, прилетела пчела в клетчатой мохнатой курточке. Пчела занялась кустом. Она с жужжанием перелетала с буквы на букву, срывала их и складывала в маленькие корзиночки. Через несколько минут пчела собрала урожай и устремилась на волю.

Но Айрин успела затворить дверь и окна:

– Пчелка, ты собрала урожай с моего буквенного куста. Тебе придется заплатить за буквы.

– ББББББББ, – сердито прожужжала пчела, но все же приземлилась на стол.

Пчела знала правила. И вскоре она уже проверяла сочинение Дора. Он произносил слово, а пчела выкладывала буквы-цветки, показывая, как писать. Пчела знала все слова и все эти слова могла написать правильно.

– Ладно, на сегодня я свою долю добрых дел сделала, – решила Айрин, – и теперь могу поплавать с Зилич. Не выпускай пчелу, пока не проверишь все сочинение, и не говори королеве, что я не все время тут за тобой присматривала, и сообщи мне, когда закончишь.

– С какой стати я должен тебе докладывать? – возмутился Дор. – Ты мне не учительница!

– Объясняю: тогда я смогу сказать, что шпыняла тебя до тех пор, пока ты не сделал свои дурацкие уроки. Как только ты сделаешь уроки, нас весь день уже никто не тронет. Дошло наконец, тупица?

По сути, Айрин предлагала ему сделку, она оставит его в покое, если он об этом не проболтается. Пришлось согласиться.

– Согласен, зеленка, – кивнул Дор.

– За пчелкой приглядывай, – предупредила она. – Пчелка напишет слово правильно, но сначала ты должен его правильно выбрать.

Айрин выскользнула за дверь. Пчела зажужжала следом, но дверь захлопнулась, так сказать, у нее перед носом.

– Ладно, пчелка, – вздохнул Дор. – Мне эти сочинения нравятся не больше, чем тебе. И чем быстрее мы с этой чепуховиной покончим, тем быстрее освободимся.

Пчела была не ахти как рада, но что поделаешь. Она была воспитана в уважении к правилам, а ведь не существует правил более сложных и суровых, чем те, по которым пишутся слова.

Дор прочитал вслух первые два предложения. После каждого слова он делал паузу, чтобы узнать, как оно пишется. Он не доверял пчеле, но знал, что она не способна написать слово неправильно, даже если бы очень хотела ему навредить.

– Некоторые в Ксанфе умеют колдовать, – медленно произносил он, – а другие умеют делать дырки, или иллюзии, или летать по воздуху. Но в Обыкновении волшебников нет, поэтому там очень скучно. В Обыкновении совсем нет драконов. Зато в Обыкновении водятся рогатые лоси, там есть разные автоматы и такси.

Он остановился, чтобы подсчитать слова. Уже целых восемьдесят два! Осталось всего восемь... нет, побольше; просто у него кончились пальцы. Осталось еще двадцать восемь. Он уже написал по заданной теме все, что мог. А теперь что?

А, вот, придумал!

– Наш властелин – король Трент. Он носит корону уже семнадцать лет. А еще в Ксанфе есть королева Ирис...

Вот и еще семнадцать слов, и вместе получается... ого, уже девяносто девять! Должно быть, он раньше ошибся в счете. Еще одно слово – и делу конец!

Но каким же словом закончить? В голове совершенно пусто. Дор сделал героическое усилие и сочинил целое предложение: «Здесь никого не преследуют, и мы процветаем в мире». Но это еще девять слов – на восемь больше, чем нужно. Дору стало обидно – зря потратил столько сил!

Он вздохнул. Тут уж ничего не поделаешь. Раз слова пришли в голову, придется ими воспользоваться. Он записал их одно за другим, сперва тщательно выговаривая, чтобы пчела могла проверить. Дор чувствовал, что дальше отдельных слов орфографическая пчела как бы не видит: целое – фразы, абзацы – для нее не существует.

Охваченный дурацким тщеславием, он выпалил еще целых четыре драгоценных слова: «Вот и повести конец». Теперь в сочинении было сто двенадцать слов! Пусть только Чери посмеет не поставить ему самую высокую оценку.

– Хорошо, пчелка, – сказал он. – Ты свое дело сделала. Теперь лети и буквы с собой прихвати.

Он открыл окно, и пчела со счастливым «БББББ» улетела прочь.

– А теперь нужно передать сочинение моей любимой наставнице – чтоб блохи изгрызли ей шкуру! Как бы повернуть это так, чтобы она не подбросила новую работенку?

Дор, как и все школьники, прекрасно знал, что основная цель обучения вовсе не в том, чтобы учить юношей всяким полезным премудростям, а в том, чтобы, заставляя их заниматься разными глупостями, отнимать у них побольше времени. Взрослые считают, что молодые люди должны страдать. И лишь когда они настрадаются до такой степени, что утратят большую часть природной веселости и простодушия, им дают аттестат зрелости. Взрослый – это всего лишь замученный учением ребенок.

– Как проверить – это ты со мной советуешься? – поинтересовался пол.

Среди неодушевленных предметов столько тупиц! Дор никогда не спрашивал у них, как правильно писать.

– Нет, я советуюсь с самим собой.

– Чудненько. Тогда не совет: бумажная оса – вот кто тебе поможет.

– А мне ее и так не поймать. Осы страшно жалят.

– А тебе и не придется ее ловить. Одна глупая бумажная оса попалась в мою ловушку, заползла под пол ночью и не может выбраться. Ведь в подполье очень темно.

«Хоть в чем-то повезло», – подумал Дор.

– Скажи ей, что я ее выпущу, если она передаст куда надо одну бумажку.

Послышалось бормотание – пол разговаривал с осой.

– Оса говорит, – передал пол, – что согласна.

– Прекрасно. Теперь покажи ей, через какую щель легче всего выбраться.

Вскоре показалась оса. Большая, с узкой талией, красивого красновато-коричневого оттенка. Очень привлекательная дама, вот только крылышки в пыли.

– ЗЗЗЗЗЗ? – вопросительно прогудела оса и кокетливо отряхнулась.

Дор протянул ей листок и открыл окно:

– Отнесешь листок кентаврице Чери. А потом лети куда хочешь.

Но оса не торопилась улетать.

– ЗЗЗЗЗЗ? – снова спросила она.

Дор не умел разговаривать с осами, а его приятеля голема Гранди, умевшего разговаривать с кем угодно, поблизости не было. Но Дор все-таки понял, о чем она спрашивает:

– Нет, Чери жалить не советую. Хвост у нее работает не хуже кнута. Мух и ос бьет со страшной силой.

«И заднее место одного нерадивого ученика тоже, – мысленно добавил он, – когда этот ученик по глупости завязывает спор об уроках». За обретение жизненного опыта Дор платил суровую цену.

Удовлетворенно гудя, оса вылетела в окно. Дор не сомневался, что она доставит листок, куда было сказано: орфографическая пчела не может не знать орфографию, а бумажная оса уважает все бумажное.

Дор пошел к Айрин. Он отыскал ее у южной стены замка. Айрин в купальном костюме плавала вместе с самодовольной морской коровой и кормила ее охалками морского овса, с помощью магии выращенного ею на берегу. Завидев Дора, корова предупреждающе замычала.

– Эй, Дор, иди к нам! Поплаваем! – позвала Айрин.

– Тоже мне радость – плавать вместе с ровными чудищами, – проворчал он.

– А я вырастила поперек рва рядок дубиновых дубов, чтобы чудища не перелезали через гвоздику. Сюда им не пробраться.

Дор пригляделся. И в самом деле, рядом с изгородью из дубов плавало какое-то чудище. Но едва оно подплывало слишком близко, как гибкая дубинка тут же награждала его пинком. Да, сквозь эти деревья не пролезешь.

И все же Дор решил держаться подальше. Он боялся Зилич. От этой водяной коровы всего можно ожидать.

– Чудища плавают не только по ту сторону, но и по эту, – промямлил он. – Я просто пришел сказать: сочинение написал и отправил Чери.

– Ах так! – крикнула Айрин. – Значит, это я чудище! Хватай его, зеленушка!

Из воды высунулось щупальце-лиана и ухватило Дора за лодыжку. Еще одна зеленая игрушка Айрин!

– Отцепись! – взвизгнул Дор, отчаянно размахивая руками и упираясь.

Щупальце тянуло его за ногу. Ему не удалось удержаться. Он потерял равновесие и с шумом плюхнулся в ров.

– Хо-хо-хо! – заколыхалась вода. – Сейчас ты у нас остынешь!

Дор яростно стукнул по воде кулаком, но что толку – он уже барахтался во рву. Одетый!

– Эй, слушай, мне кое-что пришло в голову, – крикнула Айрин. – Орфографическая пчела... Ты ей пояснял, что значат слова?

– Не пояснял, – процедил Дор.

Он пытался вскарабкаться на берег, но щупальце успешно стаскивало его в воду. Айрин ничего не стоило укротить шалуна, но гордость мешала Дору попросить о помощи.

Но вскоре она сама поняла.

– Успокойся, зеленушка, – велела она. Щупальце разжалось. – Дело в том, – вернулась Айрин к прерванному разговору, – что может выйти неприятность. Если ты использовал омофоны...

– Что еще за граммофоны? Я о таких и не слышал.

Зеленушка за ноги больше не хватала, но мешала подплыть к берегу. Айрин оскорбила шуточка про чудовищ по эту сторону, и теперь она мстила. Королева Ирис тоже мстительная. Иногда Дору казалось, что мир стал бы гораздо лучше, если б из него исчезли все женщины.

– Омофоны, – пояснила Айрин, – это такие слова... Они пишутся по-разному, но звучат почти одинаково. Ума у орфографической пчелы немного, и если ты не объяснил ей, что именно хочешь сказать...

– Пишутся по-разному? – переспросил он, ощутив тревожный холодок внутри.

– Ну да. Например, лук, то есть овощ, и луг, то есть место, где много зелени. Связи между этими словами никакой, но звучат они похоже. Ты такие слова использовал?

Дор сосредоточился, припоминая уже наполовину забытое сочинение.

– Кажется, у меня там был голубь. Я написал о ксанфских голубях-поцелуях.

– Ну вот! Ты сказал «голубь», а пчеле вполне могло послышаться «голый»! – со смехом воскликнула Айрин. – Пчела не очень умна, но вряд ли ей понравится расплачиваться за собранные буквы. Ох, Дор, вечно ты вляпываешься во что-нибудь! погоди, вот прочитает Чери твоё сочинение...

– Развеселилась, – обозлился Дор. Сколько же этих самых «граммофонов» он ухитрился использовать?

– Голый голубь! – крикнула Айрин, подплыла поближе и дернула Дору за одежду.

Материя легко разорвалась – неужели успела обветшать от воды?

– Голый, голый, голый! – разъярился он, запустил два пальца за вырез купальника Айрис и с силой дернул вниз.

Купальник разорвался с легкостью. Одежда только намекала, что под ней таится нечто прекрасное, – теперь все стало ясно. Королева Ирис часто напускала на себя видимость красоты, но Айрин была красива по-настоящему.

– Иииииииии! – восторженно завизжала девчонка. – Уж теперь я до тебя доберу-у-усь!

И она принялась срывать с него оставшуюся одежду. А он – с нее. Он злился, но в потоках воды мелькало нечто прекрасное. Через секунду оба, совершенно голые, хохотали до упада. Стороннему наблюдателю могло показаться, что эти двое сейчас со злости совершили то, на что ни за какие коврижки не отважились бы по доброй воле – хотя им явно хотелось сделать именно это.

И тут на берегу появилась Чери. Передняя часть тела у нее была от замечательной пышнотелой женщины, а задняя – от великолепной лошади. Говорят, Обыкновения – страна прекрасных женщин и быстрых лошадей, а может, и наоборот; в Ксанфе, волшебной стране, кентаврицы соединяли в себе оба этих достоинства. Каштановые волосы Чери спадали на спину, покрытую каштановой шерстью, прелестный хвост тоже был каштанового цвета. Кентаврица не носила одежды – кентавры отрицали одежду – и, несмотря на то что уже в возрасте, была привлекательна: из поколения Бинка, отца Дора. Нет, голая Айрин, конечно, куда интересней.

– Я по поводу твоего сочинения, Дор... – начала Чери.

Дор и Айрин так и замерли. Они вдруг осознали, в каком виде их застали – в воде, без одежды, да еще полуобнявшимися. Зеленушка лениво поигрывала обрывками их одежды. Чери появилась как раз вовремя, и наверняка будет скандал.

Но кентаврицу волновало только сочинение. Она тряхнула головой, длинные волосы упали ей на грудь. Что сейчас будет...

– А ну-ка перестаньте обниматься, хоть на секунду отодвиньтесь друг от друга, – крикнула Чери. – Мне надо сказать кое-что об этом сочинении, о том, что я думаю по поводу правописания.

Чери не очень-то взволновало, чем там занимаются детишки в воде (кентавры любят волю и вольное поведение), но если она расскажет королеве...

– Гм, да... – пробормотал Дор, желая только одного – с головой погрузиться в воду.

– Но прежде, чем я приступлю к подробному разбору, мне хотелось бы узнать, что думаешь по этому поводу ты, Айрин... – И Чери повернула листок так, чтобы Айрин могла разобрать текст.

Айрин тоже была страшно смущена, что ее застали в таком виде. Она хотела нырнуть поглубже, но вода вытолкнула ее. Что ж, придется заняться сочинением. Айрин читала, и настроение ее менялось.

– Ну и ну! – восклицала Айрин. – Невероятно! – Айрин хихикнула. – На этот раз, Дор, ты перешеголял самого себя! Хуже не бывает!

– Смешной рассказ читаете? – поинтересовалась вода, и ее любопытство тут же разделили камни, песок и прочие неодушевленные предметы, оказавшиеся поблизости от заставляющего предметы разговаривать волшебника Дора.

– А я вам сейчас прочитаю, – пообещала Айрин. – Предупреждаю, буду произносить, точно как написал Дор.

Она принялась читать. И каким-то образом у слов стали появляться совсем иные, не предусмотренные Дором значения. Какая-то слабость охватила его. Дело оказалось куда хуже, чем он думал.

«ЗЕМЛЯ КСАНФА Сочинение Дора.

Я живу в Ксане. От Обыкновения Ксане отличается тем, что в Ксане маки и волбешники есть, а в обыкновении ни маков, ни волбешников нет. В Ксане водятся графины, карпиш, голые поцелуи, драгуны. А у Обыкновенов нет ни маков, ни драгунов, но у них есть рогатые лососи, томатная энергия и колесные таксы. Пластилин в Ксане король Трент. Он носит корову уже семнадцать лет. У пластилина есть жена – каравелла Ирис. В Ксане нам всем очень хорошо, есть никого не следует, и мы процветаем в мире. Тут и повесть конец».

К концу чтения Айрин, обессилев от хохота, вытирала слезы, морская корова мычала от радости, вода, песок и камни хихикали, дубиночные дубы шлепали друг друга ветвями, а разные чудища от смеха едва не впали в истерику. Даже Чери с трудом сдерживала улыбку. Лишь Дору было не до смеха. Он хотел одного – как можно глубже провалиться под землю.

– Ой, волбешник, мак! – держалась за живот Айрин. – Поехали в Обыкновению – и полюбуемся, как там таксы бегают на колесах.

Тут уже все живое и неживое так и грохнуло от хохота. А на камнях от смеха выступили настоящие слезы.

И тут Чери решила, что потеху пора кончать. Она взяла себя в руки и сурово сказала:

– А теперь, Дор, тебе следует отправиться к королю.

О, только не это! День еще не кончился, а неприятностей уже не счесть. Хорошо, если король Трент смилуется над ним и не превратит в какую-нибудь улитку, место которой именно в этом рву.

Мало позора из-за сочинения, так еще застали нагишом с дочкой короля.

Дор обмотал вокруг пояса обрывки одежды и выкарабкался на берег. Ничего не поделаешь, придется пойти и принять горькое лекарство.

Он забежал домой, чтобы переодеться в сухое. Дор надеялся, что матери не будет, но она как раз занималась уборкой. Хамелеоша сейчас находилась в глупой фазе, то есть выглядела красивой девушкой, хотя на самом деле ей было около сорока. Достигая глупой фазы, Хамелеоша всякий раз превращалась в красавицу, а когда переходила в умную, становилась уродливой. Но с умом дело обстояло прямо противоположно, поэтому сейчас у нее не хватило ума спросить, почему Дор обмотался мокрой одеждой и с какой стати половицы под его ногами хихикают. Но с него капало, и это она заметила.

– Не пачкай пол, милый, – предупредила она.

– Сейчас переоденусь, – успокоил он мать и быстро направился к себе в комнату. – Мы с Айрин немного поплавали во рву.

– Я рада, – отозвалась Хамелеоша.

Дор шел на встречу с королем. Король предпочитал вести беседы в библиотеке. Сердце Дора колотилось, когда он поднимался по лестнице. Чери наверняка успела показать королю сочинение. Но, может, Трент еще не знает о купании во рву?

Король, крепкий, седеющий и красивый мужчина лет шестидесяти, уже ждал Дора. После смерти Трента, скорее всего, именно он примет корону Ксанфа. Но Дор совсем не жаждал стать «пластилином».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.